

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХХVІІІ.

1912

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ОРТЕЛЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1912

ГОНЕНІЯ СТАРООБРЯДЦЕВЪ НА УРАЛѢ.

ЕЛО ШАРТАШЪ, лежащее въ семи верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Екатеринбургa, въ мѣрѣ старообрядчества широко извѣстно по всей Россіи, какъ могущественный оплотъ и центръ «древляго благочестія».

По всей вѣроятности, село это основано какими-нибудь выходцами изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ нашей родины, вскорѣ послѣ покоренія Ермакомъ Тимофеевичемъ Сибири, а можетъ быть и до его появленія за Яицкими горами. На такую сѣдую древность указываютъ уже тѣ факты, что знаменитѣйшій въ лѣтописяхъ раскола и заклятѣйшій врагъ патріарха Никона, протопопъ Аввакумъ, будучи сосланъ въ Сибирь, перѣдко навѣщалъ это селеніе, встрѣчая поголовное сочувствіе своему ученію и почтительное поклоненіе себѣ лично, какъ герою-страстотерпицу и самому крупному борцу за вѣру отцовъ. Кромѣ того, на древность села, еще и въ наши дни, указываютъ: архитектура построекъ, пѣсни, обычаи, одежда, игры. Въ особенности послѣднія. Еще только нѣсколько лѣтъ тому назадъ игры шарташскихъ обывателей образованнаго человѣка мысленно перенесли за много столѣтій до нашей эры.

Отмѣтимъ изъ этихъ «игрищъ» хоть одну, какъ самую яркую, способную современнаго человѣка наглядно перенести въ древнія, прошлыя времена.

Каждую осень, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда пачнетъ оцадать листь съ деревьевъ и пожелтѣетъ трава, въ праздничное время,

еще лѣтъ десятокъ тому назадъ, почти всѣ коренные жители села Шарташа мужского пола съ восьмидесятилѣтними стариками во главѣ выходили на степь, около древнѣйшаго кладбища, для состязанія въ стрѣльбѣ «изъ тугова лука каленой стрѣлой». Этотъ древне-народный обычай у насъ на Руси существовалъ, какъ известно, еще въ очень отдаленныя времена, когда о порохѣ и ружьяхъ еще не имѣли и понятія, въ село Шарташъ занесенъ первыми его основателями и сохранился во всей своей неприкосновенности до нашихъ дней, на любимую потѣху молодымъ и старымъ людямъ.

Впрочемъ, лѣтъ десять тому назадъ этотъ древнѣйшій и интереснѣйшій спортъ, собиравшій по праздникамъ на ристалищѣ старого и малого для стрѣльбы «изъ тугова лука каленой стрѣлой», уже всецѣло поглощенъ кабакомъ, картами, пинкертоновщиной и тому подобной прелестью.

Душевно жаль этой старины!..

Но мы лучше вернемся къ религіозному прошлому этого древнѣйшаго на Уралѣ селенія, когда-то густо населеннаго людьми чисто великорусскаго типа: красивыми, предприимчивыми, воздержными, здоровыми, опрятными и трудолюбивыми, то есть отличающимися такими нравственными качествами, каковыя встрѣчаются въ жизни русскаго простолюдина не особенно часто, въ особенности между горнозаводскими селеніями и заводами, обыватели которыхъ всю жизнь проводятъ на прискахъ, добывая золото, платину или инныя драгоцѣнности Урала.

Вслѣдствіе ли особаго уклада жизни, или иныхъ какихъ причинъ, но на жителей Шарташа, числившихся въ то время «непремѣнными горнозаводскими рабочими», обратилъ свое исключительное вниманіе знаменитѣйшій тогда временщикъ и гроза всего Урала, генераль В. А. Глинка, который своими взглядами «на службу царю и отечеству» былъ копіей графа Аракчеева, а далѣе творилъ всецѣло и неукоснительно волю Клейнмихеля.

Грозный генераль, внимая разнымъ навѣтамъ своихъ многочисленныхъ клеветовъ, прежде всего помѣстилъ въ село Шарташъ цѣлый горный батальонъ солдатъ и разставилъ ихъ тамъ по домамъ обывателей, съ тайнымъ приказомъ, чтобы солдаты ничѣмъ не стѣснялись хозяевъ-старообрядцевъ, а курили бы въ ихъ избахъ табакъ, бражничали, пѣли пѣсни и т. п. Подобными мѣрами суровый генераль хотѣлъ ассимилировать постепенно старообрядцевъ, чтобы потомъ сдѣлать всѣхъ ихъ церковными. Также имѣлось въ виду уничтоженіе многочисленныхъ притоновъ, въ которыхъ укрывались бродячіе старообрядческіе попы и начетчики, каковыхъ на Уралѣ немало и до сихъ поръ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ XIX столѣтія въ селѣ Шарташѣ было получено отъ высшаго начальства строжайшее распоряженіе, чтобы въ окнахъ домовъ были исправлены всѣ рамы, чтобы въ

нихъ вмѣсто стеколъ не было бы бумаги, слюды или брюшины, въ то время нерѣдко замѣнявшихъ обыкновенныя стекла; далѣе было строго приказано жителямъ Шарташа выбѣлить, какъ можно лучше, всѣ печныя трубы, выходящія поверхъ крыши; у дворовъ вымести и проѣзжей трактъ выровнять и, посыпавъ пескомъ, каждый день поливать водой, чтобъ не было пыли при проѣздѣ на коняхъ; приказано было, чтобы домашній скотъ тоже не бродилъ по селенію, который разгуливалъ въ то время всегда на свободѣ, такъ какъ о пастухахъ и въ городахъ не имѣли понятія; самимъ же домохозяевамъ велѣно безотлучно находиться дома.

На первыхъ порахъ шарташцы ни отъ кого не могли узнать о причинѣ такого экстреннаго и небывало строгаго распоряженія. Но не далѣе, какъ черезъ недѣлю, въ Шарташъ пріѣхалъ фаворитъ Глинки, горный исправникъ Алексѣй Киселевъ. Послѣдній въ народной памяти сохранился до сихъ поръ и всегда упоминается въ связи съ именемъ генерала Глинки, какъ его правая рука и исполнитель всѣхъ жестокостей своего начальства.

Киселевъ пріѣхалъ въ село съ той цѣлью, чтобы лично убѣдиться, въ точности ли исполнены его распоряженія, переданныя жителямъ Шарташа черезъ волостное правленіе. Конечно, упущеній грозный исправникъ нашелъ множество: трубы не выбѣлены; въ окнахъ вмѣсто стеколъ—торчали то бумага, то брюшина, домашній скотъ мирно разгуливалъ по селу; обыватели тоже не сидѣли по домамъ и даже вовсе отсутствовали изъ селенія: кто выѣхалъ въ лѣсъ, кто въ городъ, а кто въ уѣздъ даже.

— Ну, зато и досталось же отъ Киселева такимъ ослушникамъ, — рассказываютъ старцы: — всѣхъ перепоролъ безъ всякихъ объясненій, даже тѣхъ, которые хоронили своихъ близкихъ родственниковъ: одного за то, что хоронилъ отца, а другого, что жену.

Черезъ нѣсколько дней въ Шарташъ вновь пріѣхалъ исправникъ Киселевъ и приказалъ всѣмъ жителямъ собираться къ часовнѣ на Посадской улицѣ, не исключая малолѣтковъ и женщинъ. Обыватели съ пяти часовъ уже потянулись къ указанному мѣсту и къ семи часамъ утра буквально собрались со всего селенія. Къ девяти часамъ прибылъ и самъ Киселевъ. Послѣ грозныхъ поученій крестьянъ на тему, какъ они должны почитать и безпрекословно повиноваться начальству, поставленному надъ ними самимъ Богомъ, исправникъ объявилъ жителямъ, что черезъ нѣсколько часовъ къ нимъ въ Шарташъ прибудеть и самъ его высокопревосходительство, генералъ В. А. Глинка.

— Ну, ужъ если ѣдетъ къ намъ самъ генералъ, то это не къ добру. Какъ ты мекаешь, Анисимъ Архиповичъ?

— Да ужъ какого тутъ добра ждаты! И такъ наставилъ вотъ намъ въ дома солдатъ, чтобы табачице это жрали да охаверничали пьанствомъ да непотребными пѣснями, когда у насъ моленіе идетъ.

А теперь надумалъ еще и почище что-нибудь. Видно, за грѣхи наши наказуетъ насъ Создатель, или посылаетъ испытаніе? Что же, терпѣть надо!.. Святые отцы и безгрѣшны были, да всякія мученія переносили безропотно... Будемъ и мы терпѣть!..

Подобные разговоры велись во всей толпѣ собравшихся обывателей; они чувствовали, что отъ такого гостя, какъ генераль Глинка, можно ожидать только всякихъ бѣдъ и напастей, а ужъ никакимъ образомъ какихъ-либо благополучій въ улучшеніи ихъ быта и хозяйства.

Между тѣмъ исправникъ Киселевъ обучалъ собравшійся народъ, какъ онъ долженъ привѣтствовать грознаго временщика, какъ отвѣчать ему, если будетъ спрашивать. Поставленные въ шеренгу, какъ солдаты, шарташскіе обыватели, болѣе трехсотъ человекъ, одѣтые въ разнообразнѣйшіе костюмы, съ выраженіемъ лицъ заранѣе приготовленныхъ къ казни преступниковъ, производили крайне тягостное впечатлѣніе на всю окрестность, по которой съ быстротою молніи распространилась вѣсть, что въ Шарташъ прибудетъ временщикъ здѣшняго края и ужъ, конечно, «не къ добру».

— Вишь, вѣра ихняя ему не нравится, въ церковныхъ хочетъ всёхъ обратиться.

Часовъ около двѣнадцати дня къ ажитированной толпѣ прискакалъ курьеръ, Андриюшка Косой, и объявилъ:

— Его высокопревосходительство генераль Владимиръ Андреевичъ Глинка, не далѣе, какъ черезъ полчаса, прибудетъ въ Шарташъ «для личныхъ переговоровъ» съ обывателями.

Еще за нѣсколько дней до знаменательнаго дня прибытія грознаго генерала въ Шарташъ всёмъ окрестнымъ жителямъ было объявлено, подъ страхомъ наказанія, чтобы при проѣздѣ его по тракту встрѣчныя конныя подводы немедленно сворачивали въ сторону, за канаву, хотя бы и съ тяжелыми возами; люди же, сопровождавшіе такіе возы, выстраивались бы по-солдатски во фронтъ, отдавая генералу честь низкими поклонами, держа на отлетѣ правую руку.

Не прошло и полчаса, какъ примчался въ Шарташъ Андриюшка Косой, какъ прилетѣлъ новый гонецъ и прямо къ исправнику Киселеву и что-то сообщилъ послѣднему.

Киселевъ быстро выбѣжалъ къ толпѣ и зычнымъ голосомъ загромѣлъ:

— Его высокопревосходительство ѣдетъ!.. Шапки долой!!! Стоять смрпно!.. Не смѣйдохнуть, не только что шевелиться!..

Минутъ черезъ пять на большомъ трактѣ дѣйствительно появилась красивая и огромная коляска, запряженная чудными воронными конями цугомъ; въ коляскѣ сидѣлъ развалился грозный старикъ, одѣтый во всё доспѣхи своего величія, и съ нимъ только одинъ молодой адъютантъ.

Выйдя изъ коляски при помощи своихъ приближенныхъ и обращаясь къ трепетавшей толпѣ народа, генералъ загремѣлъ, какъ іерихонская труба:

— Здогово, дѣти!..

Онъ не выговаривалъ буквы р и замѣнялъ ее буквой г.

— Желаемъ здравія вашему высокопревосходительству! — послѣдовалъ могучій отвѣтъ на привѣтствіе генерала.

— Я пріѣхалъ къ вамъ съ добрымъ словомъ; совѣтую только выслушать меня внимательно. А именно я желалъ бы, чтобы всѣ жители Шарташа бросили старыя религіозныя заблужденія и приняли бы назначенныхъ правительствомъ священнослужителей и изгнали бы тѣхъ бродягъ, которые теперь исполняютъ всѣ ваши духовныя требы. Такъ отвѣчайте же мнѣ сейчасъ: желаете ли вы имѣть законныхъ священнослужителей? А иначе... плохо вамъ будетъ!..

Толпа заволновалась, но всѣ молчать. Но вотъ изъ толпы выходитъ огромнаго роста старецъ съ широчайшей, до пояса бѣлой, какъ первый снѣгъ, бородой и съ такими же кудрями, ниспадающими на могучія плечи патріарха. Онъ быстро подошелъ къ грозному генералу и твердо заговорилъ, смѣло устремивъ взоръ въ лицо Глинки.

— Ваше высокопревосходительство! Съ нашимъ тѣломъ вы вольны сдѣлать, что будетъ угодно, оно во власти начальства, но духъ нашъ принадлежитъ единому Богу!.. Отъ священниковъ, предлагаемыхъ правительствомъ, мы ничуть не отказываемся, но все же только отъ такихъ, которые служили бы у насъ по древнимъ обрядамъ, которые намъ разрѣшили исполнять и въ Возѣ почившій императоръ Александръ Благословенный, за котораго мы всѣ молимся отъ чистаго сердца денно и ночно. Мы тщимся угодить Господу Богу не по новымъ, а по стариннымъ обрядамъ нашей христіанской, святой вѣры...

— Вамъ предлагается исполнять свои христіанскіе обряды по правиламъ единовѣрческой церкви, въ какой они исполняются именно по тѣмъ правиламъ, о которыхъ вы толкуете!

— Мы себѣ въ священники выбираемъ тѣхъ лицъ, которыхъ уважаемъ за ихъ благочестивую жизнь по строгимъ правиламъ святаго евангелія Господа нашего Иисуса Христа и великихъ отцовъ церкви Василія Великаго, Григорія Богослова, Иоанна Златоустаго.

— Молчать!!! Смѣете не повиноваться!.. Я здѣсь царь и богъ!.. Кто посмѣетъ меня послушаться и не исполнить мою волю; — упрячу туда, куда и воронъ не нашивалъ костей и Мамаръ не ганивалъ телятъ!.. Въ каторгѣ, въ землѣ, въ рудникахъ сгною, что и праху не найдете!..

При произнесеніи послѣднихъ словъ Глинка прямо-таки преобразился въ какую-то хищную птицу; глаза заиграли фосфори-

ческииъ блескомъ, носъ усиленно вздернулся кверху, ротъ искривился, голосъ захрипѣлъ, какъ испорченный фоготъ, и при концѣ рѣчи онъ настолько закашлялся, что далье знакъ усадить его въ коляску, въ которой его и доставили въ специально для него приготовленную квартиру въ домѣ Ивана Калиновича Харламова.

Здѣсь была составлена вѣдомость всѣхъ вліятельныхъ старообрядческихъ семействъ (болѣе 100), которымъ угрожала ссылка на каторгу: нѣкоторые были назначены на Кавказъ, иные въ Олопецкіе заводы и Гороблагодатскій округъ, преимущественно въ Богословскіе заводы Верхотурскаго уѣзда.

Этотъ визитъ грозы, «царя и бога» Урала, генерала Глинки въ Шартапское селеніе должно считать началомъ упадка матеріальнаго благосостоянія жителей, такъ какъ изъ него было выслано по разнымъ отдаленнымъ угламъ нашей родины болѣе сотни самыхъ богатыхъ и предпріимчивыхъ людей. Назначенные въ ссылку, всѣ считались крѣпостными горнаго вѣдомства, «непремѣнными рабочими».

Послѣ объявленія революціи «уральскаго царя и бога» мужчинамъ было запрещено совмѣстное сожителство съ ихъ женами и дѣтьми. Женъ велѣно именовать (конечно, только «сводныхъ») — дѣвками, а ихъ дѣтей незаконнорожденными, съ отдачею послѣднихъ въ «кантонисты». Если кто-либо замѣчался въ обличеніи со своимъ семействомъ, то неукоснительно подвергался жестокому наказанію розгами; женъ ихъ тоже подвергали разнымъ нравственнымъ истязаніямъ: сажали въ мрачныя казематы на хлѣбъ и воду, заставляли мыть полы въ каталажкахъ и тюрмахъ, гоняли мести улицы и бульвары въ Екатеринбургѣ. Словомъ, тогдашней администраціей были приняты всѣ мѣры и способы, чтобы елико возможно разорить матеріально и унижить нравственно болѣе ста семействъ полезнѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ людей. Ко всякимъ заработкамъ этимъ опальнымъ людямъ доступъ былъ закрытъ; помогавшіе же имъ подвергались тоже преслѣдованіямъ и ссылкамъ, какъ единоплеменники.

И такое положеніе тянулось два года; Глинка все ждалъ, что старообрядцы «образумятся» и явятся къ нему просить пріобщить ихъ къ церкви. Но напрасно: старообрядцы, безвинно оскорбленные въ своихъ лучшихъ душевныхъ чувствахъ, даже слышать не хотѣли объ уступкахъ. Плачь женъ и голодныхъ дѣтей, главы семей которыхъ были отъ нихъ отлучены, не могли тоже трогать безсердечныхъ временщиковъ, и ихъ дикія дѣянія еще и до сихъ поръ передаются юному потомству въ назиданіе для сравненія «вѣка нынѣшняго и вѣка минувшаго».

Не дождавшись повинной, черезъ два года послѣ посѣщенія имъ Шарташа и тщетно испробовавъ всё способы своего могущества на спинахъ старообрядцевъ, Глинка наконецъ сдѣлалъ распоряженіе «убрать всѣхъ ихъ съ глазъ долой», и страдальцы были высланы по этапамъ въ назначенныя имъ мѣста ссылки и каторги.

Года три тому назадъ изъ этихъ «каторжанъ» вернулся только одинъ, уже восьмидесятипятилѣтній старецъ Кунавинъ, ушедшій тогда въ каторгу на Богословскіе заводы молодымъ и сильнымъ человѣкомъ.

Онъ рассказывалъ, что на каторгѣ прожилъ хорошо, въ работахъ былъ, какъ и его товарищи, только лѣтъ пять; а потомъ жили на свободѣ, но безъ права выѣзда на родину, по которой всѣ весьма тосковали. Теперь же это право дано, но, увы!—ѣхать-то на родину уже почти некому, всѣ умерли.

— Только вотъ еще я сохранился и вернулся умереть здѣсь, чтобы лежать въ гробу вблизи моихъ дорогихъ родителей и родственникововъ. Дѣти же мои, внуки и правнуки ужь пусть умираютъ на своей новой родинѣ.

Такъ говорилъ старый Кунавинъ, объясняя свое возвращеніе въ Шарташъ.

К. А. Сапѣгинъ.

